

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

21 ИЮН 1983

00

2207

К 100-летию со дня рождения Ф. ГЛАДКОВА

«ДОРОГ МНЕ, КАК МОЯ СОВЕСТЬ...»

БОЛЕЕ полувека занимаясь историей педагогики, я вел личную переписку со многими замечательными людьми о роли учителя в формировании их личности. В дни юбилея Ф. В. Гладкова предлагаю письмо Федора Васильевича, которое мне очень дорого. Прошу не счесть за нескромность, если приведу почти полностью мое обращение к писателю, без которого трудно будет понять содержание ответа.

«Дорогой Федор Васильевич! Я и вся моя семья (жена и четверо детей) от всего сердца благодарим Вас за «Повесть о детстве» и «Вольницу». Эти замечательные творения, в особенности первое, воскресили в моей душе далекое прошлое, мое детство... Полюбил я эти книги, очень полюбили их и мои дети. Читали без торопливости, в свободные вечера, читали коллективно, семейно...

Наши вечера коллективного чтения и обсуждения Ваших книг ожидалась как большие праздники. Для наших детей это были незабываемые уроки эстетического и нравственного воспитания. Это и послужило основой для того, чтобы я обратился к Вам с просьбой, которая сводится к следующему. Около десяти лет я работаю над темой «Роль авторитета учителя в воспитании детей». Излишне говорить, особенно Вам, бывшему учителю, о важности научной разработки этой проблемы для воспитания новых советских граждан.

Мной уже собран большой материал. Однако в целях более всестороннего изучения существа дела я решил обратиться с вопросами к некоторым выдающимся людям и в первую очередь к Вам, дорогой Федор Васильевич.

Вопросы эти таковы:

1. Что Вы можете сказать о своем наилучшем школьном учителе, образ которого живет в Вас до сих пор?

2. Чем Вы обязаны в своей жизни и деятельности школьному учителю? (Какие его идейные, умственные, нравственные, эстетические и др. качества оказали на Вас наиболее сильное влияние?)

Заранее благодарю Вас за ответ.

Уважающий Вас — Ал. Ососков.
23/ХII-51г.»

Уже через пять дней я получил ответное письмо:

«Уважаемый Алексей Васильевич!

Спасибо Вам за сердечное письмо, которое принесло мне большую радость. Для меня письма читателей, всегда искренние, душевные и умные, очень дороги. Но как бы ни были положительны и даже хвалебны статьи критиков, всегда они пишутся с преднамеренной целью найти во что бы то ни стало в произведении «материал для себя», по выражению Гюйо. Один из критиков откровенно писал мне, что он долго мучился над последними моими книгами, выискивая и «выуживая» всякую мелочь, к которой он хотел бы придраться. Это действительно мука, но бесплодная и глупая. Ведь писать о произведении «самом по себе», об идее, заключенной в нем, о преображенной в ней жизни и о художественных красотах и о собственных мыслях и чувствах, вызванных произведением, труднее всего. Это могли делать только такие люди, как Белинский, Добролюбов, Писарев и Михайловский. В понимании же наших критиков крити-

ковать — значит ругать и высказывать недостатки. Вот почему я считаю, что читатель, тем более просвещенный, ближе к подлинному критику, чем профессионал-критик: он непосредственно стремится проникнуть во внутрь произведения и понять пафос писателя. А так как Вы с семьей волновались, захваченные книгой, — это и есть самое главное достоинство моей художественной летописи. И это очень трогательно. Самобытность, свежесть красок, новый взгляд на былое, на судьбы народа — вот что делает произведения неповторимыми и внушаемыми. И Вы правильно ставите вопросы о воспитательном значении книг или о роли их в вопросах воспитания. А на конкретные Ваши вопросы кратко отвечаю:

Два учителя навсегда остались у меня в памяти: это — девушка, учительница земской школы в деревне, где я учился только один год в старшем отделении. Девушка эта осветила мою душу, пробудила во мне веру в свои силы, приучила разбираться, что хорошо, что плохо в жизни и в поступках людей, сумела внушить (стремление) как-то незаметно проверять себя, мечтать о будущем и бороться за достижение целей, воспитала за это короткое время вкус и любовь к книге. Мне казалось, что ее поведение, ее моральная чистота — идеальны. И я старался подражать ей.

Другой учитель — в городском шестиклассном училище. Это был очень чуткий человек, влюбленный в литературу, поэт в душе, уроки которого по русскому

языку были для меня наслаждением. Может быть, это отвечало моей склонности к поэтическим упражнениям. Он до интимности был ко мне внимателен и поддерживал во мне уверенность в моих поэтических победах, настаивая на упорстве борьбы за овладение художественным словом. Мне он казался подвижником в педагогической деятельности. Руководил он и педагогическими классами при училище, и молодые люди выходили в жизнь, как учителя-энтузиасты. Это он воспитал меня, как идейного учителя, и я в своей работе в школе проверял себя вопросами: а как бы в том или ином случае поступил Степан Иванович Фатьянов? Он приучил меня пользоваться книгой, он же помог мне появиться в печати, когда мне было еще 17 лет. И что особенно любопытно, он и к себе требовал критического отношения, хотя авторитет его был для меня непрекрасим. «Надо каждый день и час стремиться к совершенству. Хотя совершенство недостижимо, но трудный путь к нему — самое важное в человеческой жизни. А путь этот — борьба, а борьба требует выработки программы личного поведения и самопроверки. Человек должен оставить после себя след в жизни творческим своим трудом, общественной своей значимостью. Надо оправдать свое назначение». Такие беседы были для меня откровением и будили большие (для моего возраста) мысли. Он же впервые привил мне интерес к серьезной (научной, теоретической) книге. Даже сейчас, в старости, он дорог мне, как моя

совесть. Сгорел он молодым, лет 40-ка, от туберкулеза, прекрасный лицом, как праведник в лучшем значении этого слова.

Об этих двух моих воспитателях будет написано в третьем томе моей автобиографической эпопеи.

Желаю добротного успеха в Вашей работе: она очень нужна, тем более, что авторитет учителя теперь как-то блекнет и принижен, а его надо поднять обаятельно.

С приветом — Федор Гладков.»

ТАК ЖЕ, как и «Повесть о детстве», читали и перечитывали мы всей семьей письмо Федора Васильевича. Золотые слова, сказанные им о своих школьных учителях, об их благородном, подвижническом труде так дороги нам, так мудры и понятны. Они пробуждают много чувств: радости и гордости, веры в себя и неуспокоенности, а главное — еще большее желание работать творчески.

«Даже сейчас, в старости, — писал Федор Васильевич о своем лучшем учителе Степане Ивановиче Фатьянове, — он дорог мне, как моя совесть.» В этой формуле Ф. В. Гладков выразил себя полностью и как народный учитель, и как народный писатель, и как Человек с большой буквы — высокоидейный коммунист-ленинец, подлинный гражданин нашей великой Родины.

А. ОСОСКОВ,
профессор, доктор педагогических наук.

г. Орехово-Зуево.